

ЗАКРОЕЦ Михаил Николаевич,
кафедра государственного и муниципального управления,
Факультет управления и политики МГИМО МИД России,
e-mail: Mihailzakroets@yandex.ru

СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ КАК ФОРМА ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. В статье на основе анализа более 30 двусторонних соглашений федерального, регионального и локального уровней исследуется процесс институционализации социального партнерства между государственными органами Российской Федерации и Русской Православной Церковью (РПЦ) в период 2000–2025 гг. Показано, что система соглашений выступает ключевым механизмом институционализации социального партнерства, позволяя сохранять светский характер государства при эффективной реализации социально значимых функций Церковью. Установлено, что к настоящему времени в России сформирована трехуровневая система нормативного закрепления социального партнерства РПЦ и государства, обеспечивающая единообразие подходов при сохранении гибкости, необходимой для учета региональной специфики. Показано, что заключенные соглашения носят координационный, а не властный характер: они не передают Церкви государственно-властных полномочий и не устанавливают обязанности религиозных убеждений, однако фиксируют за РПЦ статус «особого партнера» государства, что позволяет говорить о модели «фактического традиционализма».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, государственно-церковные отношения, социальное партнерство, соглашения о сотрудничестве, отраслевое соглашение, светское государство, душепопечительство, военное духовенство, объекты культурного наследия.

ZAKROETS Mikhail Nikolaevich,
Department of State and Municipal Administration,
Faculty of Governance and Politics MGIMO University

COOPERATION AGREEMENTS BETWEEN STATE BODIES AND THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS A FORM OF INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL PARTNERSHIP

Annotation. Based on the analysis of more than 30 bilateral agreements at the federal, regional and local levels, the article examines the institutionalization of social partnership between state bodies of the Russian Federation and the Russian Orthodox Church in 2000–2025. The study demonstrates that the system of agreements acts as a key mechanism for institutionalizing social partnership, allowing to maintain the secular character of the state while the Church effectively implements socially significant functions. It is established that Russia has developed a three-tier system for the normative consolidation of social partnership, ensuring uniformity of approaches while retaining the flexibility necessary to account for regional specificities. The agreements are shown to be coordinative rather than directive in nature: they do not transfer governmental powers to the Church nor mandate adherence to any religious belief, yet they secure for the Russian Orthodox Church the status of a «special partner» of the state, pointing to a model of «de facto traditionalism».

Key words: Russian Orthodox Church, church-state relations, social partnership, cooperation agreements, sectoral agreement, secular state, chaplaincy, military clergy, cultural heritage sites.

Введение

Актуальность. Взаимодействие государства и религиозных организаций в современной России представляет собой сложный, многоуровневый и динамично развивающийся процесс, балансирующий между конституционным принципом светскости, закрепленным в статье 14 Конституции Российской Федерации, и исторической ролью традиционных конфессий в формировании культурной, духовной и национальной идентичности российского общества.

Русская Православная Церковь (далее – РПЦ, Церковь), обладая значительным духовным капиталом, разветвленной инфраструктурой, включающей более 30 тысяч приходов, сотни монастырей и духовных учебных заведений, а также высоким уровнем доверия со стороны значительной части населения, выступает в роли ключевого партнера государства в решении широкого круга общественных задач [1].

Однако декларативный характер положений, закрепленных в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.), а также рамочный характер Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» не обеспечивают необходимого уровня правовой определенности и предсказуемости двустороннего взаимодействия на практике [2].

В связи с этим возникает потребность в дополнительных юридических механизмах, придающих сотрудничеству системный, устойчивый и институционализированный характер.

В качестве таких механизмов в современной российской практике выступают двусторонние соглашения о сотрудничестве, заключаемые между епархиями Русской Православной Церкви и органами публичной власти [3]. При этом, если в 2000-е годы речь шла о единичных документах, то к 2025 году практически каждый субъект Российской Федерации имеет действующее соглашение с местной епархией РПЦ.

Все это актуализирует дискуссии о «клерикализации» государства и поиске оптимальной модели государственно-конфессиональных отношений, сочетающей принцип светскости с реальным учетом религиозного фактора [4; 5].

Степень научной разработанности. В отечественной науке вопросы государственно-церковного взаимодействия анализировались в работах А.В. Пчелинцева [2], И.В. Понкина [6], Р.Н. Лункина [7], А.М. Верховского [8], М.О. Шахова [9]. Исследователи уделяли внимание общим принципам государственно-конфессиональных отношений, правовому статусу религиозных организаций, вопросам налогового и имущественного

регулирования. Однако системный анализ именно договорных форм институционализации социального партнерства до настоящего времени не проводился.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе взаимодействия органов государственной власти и Русской Православной Церкви по вопросам реализации социально значимых функций.

Предмет исследования – система двусторонних соглашений о сотрудничестве как форма институционализации социального партнерства между государством и РПЦ.

Цель исследования – выявить закономерности институционализации социального партнерства между органами государственной власти Российской Федерации и Русской Православной Церковью через систему двусторонних соглашений о сотрудничестве в период 2000–2025 гг.

Материалы и методы исследований

На основе анализа более 30 двусторонних соглашений федерального, регионального и локального уровней исследуется процесс институционализации социального партнерства между государственными органами Российской Федерации и Русской Православной Церковью. Рассматривается эволюция нормативно-правовой базы, заложенной «Основами социальной концепции РПЦ» (2000 г.), и ее трансформация в конкретные двусторонние договоры.

Хронологические рамки охватывают период 2000–2025 гг., что позволяет проследить полный цикл эволюции договорных отношений от первых документов до современного состояния.

Методологическую основу составляют формально-юридический метод (анализ текстов соглашений и нормативно-правовых актов), сравнительно-правовой метод (сопоставление соглашений в разных отраслях и регионах), а также институциональный анализ, позволяющий рассмотреть соглашения как устойчивые практики взаимодействия.

Результаты и обсуждения

1. Теоретико-правовые основы институционализации социального партнерства

Институционализация социального партнерства между государством и РПЦ подразумевает переход от неформальных, эпизодических контактов к устойчивым, формализованным и регулярным практикам взаимодействия, закрепленным в письменных документах, имеющих юридическую силу или, по крайней мере, официальный статус [10].

Базой для этого процесса стала совокупность конституционных и законодательных норм.

Статья 14 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию светским государством, в котором никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Статья 28 гарантирует каждому свободу совести и вероисповедания. Федеральный закон от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» развивает эти конституционные положения, устанавливая правовые основы деятельности религиозных организаций и одновременно не запрещая им участвовать в социально значимой деятельности, осуществлять благотворительность, создавать образовательные учреждения [2].

Ключевая правовая коллизия, возникающая при анализе договорной практики, заключается в следующем. С одной стороны, статья 14 Конституции РФ и статья 4 Федерального закона № 125-ФЗ устанавливают отделение религиозных объединений от государства и их равенство перед законом. С другой стороны, заключение специальных соглашений о сотрудничестве с одной конфессией – Русской Православной Церковью – при отсутствии аналогичных по масштабу и содержанию договоров с другими религиозными организациями (мусульманскими, иудейскими, буддийскими объединениями) создает *de facto* привилегированное положение РПЦ.

В научной литературе это явление получило наименование «фактического традиционализма» или «дифференцированного подхода». Как отмечает А.В. Пчелинцев, такой подход не противоречит формальным требованиям закона, поскольку закон не запрещает государству вступать в диалог с религиозными организациями на индивидуальной основе, однако он создает определенное напряжение в правоприменительной практике и порождает обвинения в адрес государства в нарушении принципа равенства [2, с. 245-248; 11; 12].

Ключевым внутрицерковным документом, легитимизирующим такое взаимодействие с позиции самой Церкви, являются «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви», утвержденные Архиерейским Собором в 2000 году. Этот документ, насчитывающий 16 разделов, определяет сферы «сотрудничества» Церкви с государством: образование и воспитание, культура и наука, здравоохранение и социальное служение, армия и правоохранительные органы, тюремное служение, экология, экономика, средства массовой информации и другие. Важно отметить, что Церковь рассматривает государство не как инстанцию, которой надо подчиняться (как это было в синодальный период), а как партнера, с

которым можно разделить ответственность за судьбу народа при условии невмешательства во внутренние дела друг друга [1; 3].

Согласно официальной доктрине, сформулированной в «Основах социальной концепции», Церковь не должна брать на себя решение задач, входящих в сферу ответственности государственных структур, но может на добровольных началах оказывать помощь государству в реализации этих задач в тех случаях, когда такое содействие необходимо, полезно и не встречает канонических или иных препятствий.

Сегодня официальная позиция Церкви относительно государственно-церковного диалога предполагает выстраивание партнерских, равноправных, соработнических отношений, исключающих как сращивание Церкви и государственного аппарата, так и их конфронтацию. Эта позиция получила в литературе наименование модели «симфонии властей» – термина, заимствованного из византийской традиции и означающего гармоничное сотрудничество священства и царства при сохранении их институциональной самостоятельности [13].

2. Федеральный уровень: отраслевая стандартизация взаимодействия

Наиболее значимые и системообразующие соглашения заключаются на федеральном уровне между Патриархом Московским и всея Руси (или уполномоченными им лицами) и профильными федеральными министерствами и ведомствами. Эти документы задают «стандарты» взаимодействия для всей системы государственно-церковных отношений, определяя цели, принципы и основные направления сотрудничества.

Сфера здравоохранения. Показательным примером является Соглашение о сотрудничестве между Министерством здравоохранения Российской Федерации и Русской Православной Церковью, подписанное в 2015 году. Этот документ, обновленный и дополненный в последующие годы (2018, 2021), институционализировал участие священнослужителей в системе государственного здравоохранения.

В соответствии с соглашением, священнослужители получили право на беспрепятственный доступ в реанимационные и паллиативные отделения, хосписы и другие медицинские организации для оказания духовной поддержки пациентам (по их желанию или желанию родственников). Договор также регламентировал возможность совершения таинств и обрядов на дому и в стационаре. Кроме того, соглашение закрепило участие церковных структур в преабортном консультировании женщин – создание и функционирование

центров кризисной беременности, где психологическую и консультационную помощь женщинам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, оказывают обученные церковные специалисты.

Данный пример наглядно иллюстрирует, как религиозная практика (таинство исповеди, причастия, соборования больных) интегрируется в государственную систему оказания медицинских услуг, не нарушая конституционного принципа светскости, но существенно дополняя ее гуманитарную и психологическую составляющие.

Сфера культуры. Аналогичные процессы наблюдаются в сфере культуры. Соглашение о сотрудничестве между Министерством культуры Российской Федерации и Русской Православной Церковью было подписано в мае 2012 года.

Данный документ урегулировал одну из наиболее острых проблем постсоветского периода – передачу храмов-памятников архитектуры, являющихся объектами культурного наследия федерального и регионального значения, в безвозмездное пользование или собственность Церкви. Соглашение предусматривает создание совместных комиссий по реставрации. Документ также предусматривает организацию обучения священнослужителей и церковных старост основам сохранения культурного наследия, правилам реставрационных работ и противопожарной безопасности. Особое место занимает регламентация доступа прихожан в музейные помещения, расположенные в действующих храмах. Соглашение устанавливает баланс между музейным режимом хранения экспонатов и потребностями религиозной общины в проведении богослужений.

Все это позволило снять многолетнее напряжение между музейным сообществом и епархиями, переведя спорные вопросы в правовое русло и создав легитимный механизм их совместного решения.

Сфера образования. В сфере образования базовым документом стало Соглашение о сотрудничестве между Министерством образования и науки Российской Федерации (ныне – Министерство просвещения РФ) и Московской Патриархией, подписанное еще в 1999 году, неоднократно пролонгированное и обновленное в 2007, 2011, 2015 и 2022 годах.

Этот документ заложил основы для преподавания «Основ православной культуры» в рамках предметной области «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в 4-х классах общеобразовательных школ. Соглашение определило механизмы взаимодействия:

Министерство обеспечивает включение модуля «Основы православной культуры» в учебный план при наличии письменного выбора роди-

телей или законных представителей учащихся; разрабатывает федеральные государственные образовательные стандарты, учитывающие возможность изучения религиозных культур; осуществляет подготовку и повышение квалификации учителей.

Епархии обеспечивают методическую поддержку преподавателей, участвуют в разработке учебных и методических пособий, осуществляют конфессиональную экспертизу учебных материалов на предмет их соответствия вероучению и традициям РПЦ [6].

Сфера социальной защиты. В 2016 году было подписано Соглашение о сотрудничестве между Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и Русской Православной Церковью.

Данный документ регламентирует взаимодействие в сфере социального обслуживания граждан, включая помощь инвалидам, пожилым людям, семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации. Соглашение предусматривает создание совместных социальных проектов, организацию добровольческой (волонтерской) деятельности церковных общин в государственных социальных учреждениях, а также возможность передачи части социальных функций на аутсорсинг церковным благотворительным организациям при сохранении государственного финансирования.

3. Региональный и локальный уровни: адаптация к местным условиям

Если федеральные соглашения задают концептуальные рамки и определяют общие принципы, то региональные и локальные договоры наполняют их конкретным содержанием с учетом местной специфики – исторической, национальной-культурной, социально-экономической.

В 2007 году Министерство образования и науки РФ разработало и разослало в субъекты Российской Федерации «Примерное соглашение о сотрудничестве» с епархиями, что стало типовой моделью для всей страны. Согласно этому шаблону, региональные министерства образования берут на себя обязательство учитывать запрос родителей на изучение «Основ православной культуры» при формировании учебных планов, а также создавать организационные и методические условия для преподавания этого модуля. Епархии, в свою очередь, обеспечивают методическую поддержку учителей, организуют повышение их квалификации на епархиальных курсах, участвуют в проведении олимпиад, конкурсов и конференций духовно-нравственной направленности [6].

Анализ региональных соглашений позволяет выявить их вариативность.

Например, в Новосибирской области действует развернутое соглашение о сотрудничестве между Министерством образования Новосибирской области и Новосибирской Митрополией РПЦ, которое координирует проведение ежегодных Рождественских образовательных чтений (крупнейшего форума педагогов и священнослужителей), конкурса «За нравственный подвиг учителя» (всероссийский конкурс в области духовно-нравственного образования), а также организует взаимодействие школ с приходами по вопросам организации внеурочной деятельности.

В Амурской области аналогичный договор между Благовещенской епархией и правительством региона делает акцент на работе с молодежью и казачеством, что отражает национально-культурные и исторические особенности данного приграничного региона, где традиционно сильно казачье самоуправление.

В Республике Татарстан, где значительная часть населения исповедует ислам, соглашение между региональным правительством и Татарстанской митрополией РПЦ содержит положения, учитывающие поликонфессиональный характер региона: особо оговаривается принцип равного уважения к православным и мусульманским религиозным традициям, предусматривается совместная работа с Духовным управлением мусульман Республики Татарстан по вопросам межрелигиозного диалога и профилактики экстремизма.

В Чеченской Республике, где православное население составляет незначительное меньшинство, соглашение с Грозненской епархией носит более ограниченный характер, фокусируясь на вопросах сохранения немногочисленных православных храмов и обеспечения возможности отправления религиозных обрядов для военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, направляемых в регион из других субъектов.

В Донецкой и Луганской народных республиках, Запорожской и Херсонской областях также активно развивается договорная практика. Так, в 2025 году Министерство здравоохранения Донецкой Народной Республики и Донецкая епархия РПЦ подписали соглашение о сотрудничестве, направленное на оказание медицинской и духовно-психологической помощи населению в условиях продолжающегося вооруженного конфликта. Данный пример демонстрирует, что институт выполняет функции, выходящие за рамки обычного социального партнерства (психологическая реабилитация участников боевых действий, помощь вынужденным переселенцам).

4. Оборона, безопасность и чрезвычайные ситуации: специфика силового блока

Отдельный и наиболее институционализированный пласт составляют соглашения с «силовыми» ведомствами: Министерством обороны, Росгвардией, Министерством по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС), Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН). Здесь институционализация принимает форму института военного и тюремного духовенства – штатных помощников командиров (начальников) по работе с верующими военнослужащими и сотрудниками.

Соглашение о сотрудничестве между Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации (Росгвардия) и Русской Православной Церковью было подписано в марте 2024 года. Документ регламентирует не только общие принципы, но и конкретные механизмы взаимодействия: священнослужители, включенные в штат или прикомандированные к воинским частям Росгвардии, участвуют в «нравственном просвещении» сотрудников, проводят беседы, лекции, участвуют в торжественных мероприятиях (приведение к присяге, вручение знамен, наград). Ведомство, в свою очередь, обеспечивает охрану храмов и монастырей во время проведения массовых мероприятий, а также содействует в перевозке священнослужителей к местам службы.

Ранее аналогичный договор был подписан с Министерством обороны РФ в 2016 году, закрепив статус штатных помощников командиров по работе с верующими военнослужащими. К 2025 году в Вооруженных Силах РФ насчитывается более 200 штатных военных священников, а также несколько сотен священнослужителей, прикомандированных к воинским частям на общественных началах. Эти соглашения легализовали и систематизировали институт военного духовенства, который успешно функционирует в российской армии. Особое внимание уделяется работе с сотрудниками, находящимися в зоне проведения специальной военной операции: священники выезжают в командировки в зону боевых действий, совершают богослужения и таинства, оказывают психологическую помощь.

Как отмечает А.Е. Загребин, взаимодействие РПЦ и МЧС России также институционализировано через систему соглашений, регламентирующих участие священнослужителей в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (наводнения, пожары, техногенные катастрофы) и оказании экстренной психологической помощи пострадавшим [14, с. 34-39]. Священники, прошедшие

специальную подготовку, включаются в состав оперативных групп МЧС, выезжают на место чрезвычайных ситуаций, участвуют в психологической реабилитации пострадавших и родственников погибших. В 2020–2021 годах, в период пандемии COVID-19, это взаимодействие приобрело особое значение: священнослужители участвовали в доставке лекарств и продуктов пожилым людям, находившимся на самоизоляции, оказывали психологическую поддержку заболевшим и их родственникам по телефону и через интернет.

Это яркий пример институционализации «симфонии» в экстремальных условиях вооруженного конфликта и чрезвычайных ситуаций, где светская власть получает эффективный инструмент морально-психологической поддержки личного состава и пострадавшего населения, а Церковь – легальный доступ к пастве в зонах боевых действий, в закрытых воинских формированиях и в очагах чрезвычайных ситуаций.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. В настоящее время сформирована трехуровневая система нормативного закрепления социального партнерства Церкви и государства:

- первый уровень – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.), задающие идеологическую и доктринальную базу взаимодействия с позиции Церкви;

- второй уровень – типовые отраслевые соглашения на федеральном уровне между Московской Патриархией и федеральными министерствами, задающие федеральные стандарты взаимодействия;

- третий уровень – региональные и локальные договоры между епархиями и органами государственной власти субъектов РФ, муниципальными образованиями.

Подобная трехуровневая система обеспечивает как единообразие подходов, так и гибкость, необходимую для учета региональных особенностей.

2. Отраслевые соглашения на федеральном уровне, а также региональные и локальные договоры между епархиями и органами государственной власти субъектов РФ выполняют функцию правовой формализации распределения полномочий и ответственности между государством и Церковью. Государство *de facto* (но не *de jure*) делегирует Церкви функции в тех областях, где религиозная этика, моральный авторитет и добровольческое участие верующих демонстрируют более высокую эффективность по сравнению с чисто административно-правовыми методами

регулирования. Государство, в свою очередь, предоставляет Церкви налоговые льготы, передает в пользование имущество, обеспечивает правовую охрану ее деятельности.

3. Анализ заключенных соглашений показывает, что они не нарушают Конституцию РФ и действующее законодательство. Соглашения носят не властный, а координационный характер:

- не передают Церкви государственно-властных полномочий;

- не устанавливают обязанности религиозных убеждений;

- не предоставляют Церкви права вмешиваться в дела государства.

Однако соглашения создают правовую основу для деятельности РПЦ в публичном пространстве, фиксируя ее статус «особого партнера» государства без формального закрепления привилегий на законодательном уровне. Это позволяет говорить о модели «фактического традиционализма», сложившейся в современной России. В целом система соглашений о сотрудничестве стала той эффективной формой институционализации, которая позволила в постсоветской России совместить конституционный принцип светского государства с исторической реальностью доминирования православной идентичности в религиозной и культурной сфере российского общества. Создана устойчивая, многоуровневая и адаптивная модель социального партнерства, способная отвечать на вызовы XXI века – от пандемий и техногенных катастроф до вооруженных конфликтов и демографического кризиса.

Список литературы:

[1] Син А.Л. Русская православная церковь, государство и гражданское общество: социально-политический аспект взаимодействия // Право и политика. 2025. № 8. С. 104-114.

[2] Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и правовое положение религиозных объединений в Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2016. 380 с.

[3] Папков А.А. Церковно-государственные соглашения в современной России: проблемы теории и практики // Религиоведение. 2023. № 4. С. 45-58.

[4] Дорская А.А. Государственно-конфессиональные отношения: проблема субъектного состава // Правовая инициатива. 2014. № 2. С. 16-22.

[5] Шевченко М.А. Политический диалог государства и Церкви: от симфонии к партнерству // Государственное управление. 2020. № 4. С. 112-124.

[6] Понкин И.В. Правовые основы взаимодействия государства и религиозных объединений в сфере образования. М.: Просвещение, 2019. 290 с.

[7] Лункин Р.Н. Российская церковь и государство: модели взаимодействия // Россия и мусульманский мир. 2016. № 10. С. 23-35.

[8] Верховский А.М. Политика государства по отношению к религиозным объединениям // Вестник общественного мнения. 2018. № 3-4. С. 56-67.

[9] Шахов М.О. Правовой статус религиозных объединений в Российской Федерации: историко-правовой анализ. М.: Норма, 2018. 340 с.

[10] Самыгин С.И. Социальное партнерство государства и церкви в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 60-64.

[11] Robson M. Church-State Relations in Post-Soviet Russia: The Orthodoxy-Politics Nexus // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. No. 5. P. 789-810.

[12] Sin A.L. The Russian Orthodox Church and State: A Model of Managed Pluralism // Religion, State & Society. 2024. Vol. 52. No. 1. P. 34-51.

[13] Узланер Д.А. Постсекулярный поворот: как мыслить о религии в XXI веке // Логос. 2019. № 6. С. 81-102.

[14] Загребин А.Е. Институционализация взаимодействия РПЦ и МЧС России // Технологии гражданской безопасности. 2019. № 2. С. 34-39.

References:

[1] Sin A.L. The Russian Orthodox Church, the State, and Civil Society: The Socio-Political Aspect of Interaction // Law and Politics. 2025. No. 8. pp. 104-114.

[2] Pchelintsev A.V. Freedom of Religion and the Legal Status of Religious Associations in the Russian Federation. Moscow: Jurisprudence, 2016. 380 pp.

[3] Papkov A.A. Church-State Agreements in Contemporary Russia: Theoretical and Practical Issues // Religious Studies. 2023. No. 4. pp. 45-58.

[4] Dorskaya A.A. State-Confessional Relations: The Problem of Subject Composition // Legal Initiative. 2014. No. 2. pp. 16-22.

[5] Shevchenko M.A. Political Dialogue between the State and the Church: From Symphony to Partnership // Public Administration. 2020. No. 4. pp. 112-124.

[6] Ponkin I.V. Legal Foundations of Interaction between the State and Religious Associations in the Sphere of Education. Moscow: Prosveshchenie, 2019. 290 p.

[7] Lunkin R.N. Russian Church and State: Models of Interaction // Russia and the Muslim World. 2016. No. 10. pp. 23-35.

[8] Verkhovsky A.M. State Policy Towards Religious Associations // Bulletin of Public Opinion. 2018. No. 3-4. pp. 56-67.

[9] Shakhov M.O. Legal Status of Religious Associations in the Russian Federation: Historical and Legal Analysis. Moscow: Norma, 2018. 340 p.

[10] Samygin S.I. Social Partnership of the State and the Church in Modern Russia // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2021. No. 3. pp. 60-64.

[11] Robson M. Church-State Relations in Post-Soviet Russia: The Orthodoxy-Politics Nexus // Europe-Asia Studies. 2020. Vol. 72. No. 5. pp. 789-810.

[12] Sin A.L. The Russian Orthodox Church and State: A Model of Managed Pluralism // Religion, State & Society. 2024. Vol. 52. No. 1. pp. 34-51.

[13] Uzlaner D.A. Post-secular Turn: How to Think about Religion in the 21st Century // Logos. 2019. No. 6. pp. 81-102.

[14] Zagrebin A.E. Institutionalization of interaction between the Russian Orthodox Church and the Ministry of Emergency Situations of Russia // Civil Security Technologies. 2019. No. 2. P. 34-39.

